

Е. М. Салькова

**Сборник стихотворений
известных русских поэтов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. М. Салькова**
Сборник стихотворений известных русских поэтов / Е. М. Салькова – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 506 с.

ISBN 978-5-517-99087-7

ISBN 978-5-517-99087-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint



Allegro (Соловьева).

Цвѣты, цвѣты . . . куда ни кинешь взоры,
Они вездѣ киваютъ головой;
Ловя ихъ пестрые, капризные узоры,
Иду одинъ тропинкой луговой.

А съ высоты, какъ вѣсть освобожденья,
Какъ вѣчный свѣтъ и радость безъ конца,
Звенить немолчное, ликующее пѣнье
Далекаго, незримаго пѣвца.

Allegro (Соловьева).

Иней.

Помню, вчера надъ замерзшей землей
Сумракъ густѣлъ чернотою безбрежной.
Кто же навѣялъ ночью порой
Темному городу сонъ бѣлоснѣжный?
Въ сумракѣ стѣнь, вдоль рѣшетокъ рѣзныхъ,
Кто уронилъ эту пыль кружевную,
Кто и съ камней и съ деревьевъ нагихъ
Снялъ дуновеніемъ тяжесть земную?
Иней въ полночи на землю слеталъ,
Иней хотѣлъ, чтобы чудо свершилось,

Тихо молитву свою прошепталь, —
Слышаль Господь — и земля измѣнилась.
Такъ надъ моей потемнѣвшей душой
Чудо свершаетъ полетъ свой незримый.
Слышу, вздыхаетъ во тьмѣ надо мной
Свѣтлой молитвою голосъ любимый.
Пусть же подъ бѣлымъ сплетеньемъ вѣтвей
Пусть мнѣ откроется новый и ясный.
Дымомъ серебрянымъ жизнь мнѣ овѣй,
Иней души моей, иней прекрасный!

Allegro (Соловьева).

Слова.

Поютъ пѣвцы . . . Напѣвъ, подъ сводомъ разливаясь,
То радостью кипить, то переходить въ стонъ.
Не слушая его и въ думу погружаясь,
Лежитъ недвижимо и мрачно Соломонъ.
Окончивъ пѣснь, пѣвцы передъ царемъ склонились
И пестрою толпой замолкшихъ птицъ ушли;
А благовонія сильнѣе задымились
И мутной сѣдиной подъ своды поползли.
И снова тишина съ безмолвною тоскою,
Какъ воры, пробрались въ дыму, среди столбовъ,
И подошли къ царю невидимой четою.
Онъ долго слушаль рѣчь, понятную безъ словъ,
Потомъ вдругъ подалъ знакъ, и поступью покорной
Поспѣшно рабъ вошелъ, склонился до земли
И, свитокъ развернувъ, тростинкою проворной

Онъ сталъ чертить . . . Слова изъ царскихъ устъ
текли,

Какъ благовонія струятся изъ кадила,
Какъ выступаетъ медь на лепесткахъ цвѣтовъ,
И неустанная рука раба чертила
Ряды сплетавшихся, бессмертныхъ вѣщихъ словъ.

„Одно вслѣдъ за другимъ проходятъ поколѣнья,

„И день смѣняетъ ночь, и тьму смѣняетъ свѣтъ,

„Глушцу и мудрому одна судьба — забвенье . . .

„Все въ мѣрѣ суета и суета суеть.

„Я видѣлъ это все, и мертвыхъ, погребенныхъ

„Почель счастливей тѣхъ, кто видитъ и живетъ,

„А всѣхъ блаженнѣе — не бывшихъ, не рожденныхъ

„Не вѣдавшихъ всего, что эта жизнь даетъ . . .

„Внемлите! День насталь и ратники слабѣютъ,

„И стерегущіе дрожа бѣгутъ назадъ,

„И тучи тяжкія огнемъ и бурей вѣютъ,

„И цѣпи порваны, и меркнетъ свѣтъ лампадъ . . .

„Къ нимъ ужасы глядятъ на темную дорогу

„Высоты имъ страшны, и дверь ихъ заперта . . .

„Прахъ предадутъ землѣ, а духъ вернется къ Богу . .

„Все суета суеть, все въ мѣрѣ суета . . .“

Звучала рѣчь царя то быстро, то протяжно;

Онъ смуглою рукой по воздуху водилъ;

А рабъ, нахмуривши чело, тростинкой влажной,

Склонясь къ папирусу, безъ устали чертилъ.

И думалъ бѣдный рабъ: „Онъ понялъ все, онъ
знаетъ,

„Что жизнь лишь только тлѣнь, что смысла въ жизни
нѣтъ,

„Зачѣмъ же онъ сынамъ въ послѣдье оставляетъ
„Слова — все тотъ же прахъ и суету суетъ!
„Зачѣмъ же рѣчь его сверкающей рѣкою
„Струится, и душа восторгомъ залита? . . .“
Рабъ думалъ — и чертиль послушною рукою:
„Все суета суетъ, все въ мѣрѣ суета! . . .“

А. Н. Апухтинъ.

Двѣ грезы.

Измученный тревогою дневною,
Я легъ въ постель безъ памяти и силъ,
И голосъ твой, носяся надо мною,
Насмѣшливо и рѣзко говорилъ:

„Что ты глядишь такъ пасмурно, такъ мрачно?
„Ты, говорятъ, влюбленъ въ меня, поэтъ?
„Въ моей душѣ, спокойной и прозрачной,
„И доступа твоимъ мечтаньямъ нѣтъ.
„Какъ чужды мнѣ твои пустыя бредни!
„И что же въ томъ, что любишь ты меня?
„Не первый ты, не будешь и послѣдній
„Горѣть и тлѣть отъ этого огня. —
„Ты говоришь, что въ шумномъ вихрѣ свѣта
„Меня ты ищешь, дышешь только мной . . .
„И отъ другихъ давно я слышу это,
„Окружена влюбленною толпой.
„Я поняла души твоей мученье,
„Но отъ тебя, поэтъ, не утаю:
„Не жалость, нѣтъ, а только изумленье,
„Да тайный смѣхъ волнують грудь мою!“

— Проснулся я. — Враждебная, нѣмая
Вокругъ меня царила тишина,
И фонари мнѣ слали, догорая,
Свой тусклый свѣтъ изъ дальняго окна.
Безсильною поникнувъ головою,
Едва дыша, я снова засыпалъ,
И голосъ твой, носяся надо мною,
Привѣтливо и ласково звучалъ:

„Люби меня, люби! Какое дѣло,
„Когда любовь въ душѣ заговорить,
„И до того, что въ прошломъ наболѣло,
„И до того, что въ будущемъ грозить?
„Моя душа ужъ свыклася съ твоею,
„Я не люблю, но мысль отрадна мнѣ,
„Что сердце есть, которымъ я владѣю,
„Въ которомъ я господствую вполнѣ.
„Коснется ли меня тупая злоба,
„Подкрадется-ль нежданная тоска,
„Я буду знать, что вѣрная до гроба
„Меня поддержитъ крѣпкая рука!
„О, не ввѣрайся дѣтскому обману,
„Себя надеждой жалкой не губи:
„Любить тебя я не хочу, не стану,
„Но ты, поэтъ, люби меня, люби! —“

Проснулся я. — Ужъ день сырой и мгlistый
Глядѣлъ въ окно. — Твой голосъ вдругъ затихъ,
Но долго онъ безъ словъ, протяжный, чистый,
Какъ арфы звукъ, звенѣлъ въ ушахъ моихъ.

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Я ее побѣдилъ, роковую любовь,
Я убилъ ее, злую змѣю,
Что безъ жалости, жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободенъ, спокоенъ опять —
Но не радостенъ этотъ покой. —
Если ночью начну я въ мечтахъ засыпать,
Ты сидишь, какъ бывало, со мной.
Мнѣ мерещутся снова они, —
Эти жаркіе лѣтніе дни,
Эти долгія ночи безсонныя,
Безмятежныя моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихимъ смѣхомъ твоимъ озаренныя.
А проснулся я: ночь какъ могила темна,
И подушка моя холодна,
И мнѣ некому сердце излить,
И напрасно молю я волшебнаго сна,
Чтобъ на мигъ мою жизнь позабыть.
Если-жъ многіе дни безъ свиданья пройдутъ.
Я тоскую, не помня измѣнъ и обидъ;
Если пѣсню, что любишь ты, вдругъ запоютъ,
Если имя твое невзначай назовутъ, —
Мое сердце, какъ прежде дрожитъ!
Укажи же мнѣ путь, назови мнѣ страну,
Гдѣ прошедшее я прокляну,
Гдѣ бы могъ не рыдать я съ безумной тоской

Въ одинокій полуночный часъ,
Гдѣ бы образъ твой, нѣкогда мнѣ дорогой,
Поблѣднѣлъ и погасъ!
Куда скрыться мнѣ? — Дай же отвѣтъ!!
Но отвѣта не слышно, страны такой нѣтъ,
И какъ перлы въ загадочной безднѣ морей,
Какъ на небѣ вечернемъ звѣзда,
Противъ воли моей, противъ воли твоей
Ты со мною вездѣ и всегда!

А. Н. Апухтинъ.

Королева.

Пиръ шумить. — Король Филиппъ ликуеть,
И, его веселіе дѣля,
Вмѣстѣ съ нимъ побѣду торжествуетъ
Пышный дворъ Филиппа короля.
Отчего-жъ огнями блещетъ зала?
Чѣмъ король обрадовалъ страну?
У сосѣда — вѣрнаго вассала —
Онъ увезъ красавицу жену.
И среди рабовъ своихъ покорныхъ
Молодецки, весело глядитъ:
Что ему до толковъ не придворныхъ?
Мужъ потерпѣть, папа разрѣшить. —
Шумень пирь. — Прелестная Бертрада
Оживляетъ, веселитъ гостей,
А внизу, въ дверяхъ, въ аллеяхъ сада
Принцы, графы шепчутся о ней.

Что же тамъ мелькнуло бѣлой тѣнью,
Исчезало въ зелени кустовъ,
И опять, подобно привидѣнью,
Двигается безъ шума и безъ словъ?

»Это Берта, Берта королева!«
Пронеслось мгновенно здѣсь и тамъ,
И, какъ стая гончихъ, справа, слѣва
Принцы, графы кинулись къ дверямъ.

И была ужасная минута:
Къ нимъ, шатаясь, подошла она,
Горемъ — будто бременемъ согнута,
Страстью — будто зноемъ спалена.

»О, зачѣмъ, зачѣмъ« — она шептала —
»Вы стоите грозною толпой?
»Десять лѣтъ я вамъ повелѣвала:
»Быль ли кто изъ васъ обиженъ мной?

»О, Филиппъ, пускай падутъ проклятья
»На жестокий день, въ который ты
»Въ первый разъ отвергъ мои объятья,
»Внявъ словамъ безстыдной клеветы!

»Еслибъ ты изгнанникъ былъ бездомный,
»Я бы шла безъ устали съ тобой
»По лѣсамъ, осенней ночью темной,
»По полямъ въ палящей лѣтней зной.

»Гнетъ болѣзни, голода страданья
»И твои упреки безъ числа —
»Я бы все сносила безъ роптанья,
»Я бы снова счастлива была!

»Еслибъ въ битвѣ, обогранный кровью,
»Ты лежалъ въ предсмертномъ забытѣи.
»Къ твоему склонившись изголовью,
»Омывала-бъ раны я твои.

»Я бы знала всѣ твои желанья,
»Поняла бы гаснущую рѣчь,
»Я-бъ съумѣла каждое дыханье,
»Каждый трепеть сердца подстеречь.

»Еслибъ смерти одолѣла сила,
»Въ жгучую печаль погружена,
»Я-бъ сама глаза твои закрыла,
»Я-бъ съ тобой осталася одна

»Старцы, жены, юноши и дѣвы,
»Всѣ-бъ пришли, печаль мою дѣля,
»Но никто бы ближе королевы
»Не стоялъ ко гробу короля!

»Что со мною? страсть меня туманить,
»Жжетъ огонь обманутой любви
»Пусть конецъ твой долго не настанетъ,
»О, король мой, царствуй и живи!

»За одно привѣтливое слово,
»За одинъ волшебный прежній взоръ
»Я сносить безропотно готова
»Годы ссылки, муку и позоръ.

»Я смущать не стану ликованья;
»Я спокойна; ровно дышетъ грудь
»О, пустите, дайте на прощанье
»На него хоть разъ еще взглянуть!«

Но напрасно робкою мольбою
Засвѣтился королевы взглядъ:
Неприступной, каменной стѣною
Передъ ней придворные стоятъ
Пиръ шумить. Прелестная Бертрада
Всѣ сердца плѣняетъ и живить,
А въ глуши темнѣющаго сада
Чей-то смѣхъ, безумный смѣхъ звучить.
И тотъ смѣхъ узнавъ, смѣются тоже
Принцы, графы, баловни судьбы, —
Предъ несчастьемъ — гордые вельможи
Предъ успѣхомъ — подлые рабы.

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Люби, всегда люби. Пускай въ мученьяхъ тайныхъ
Сгораютъ юные, безпечные года,
Средь пошлостей людскихъ, среди невгодъ слу-
чайныхъ

Люби, люби всегда.

Пусть жгучая тоска всю ночь тебя терзаетъ,
Минута, — отъ тоски не будетъ и слѣда,
И счастье тебя охватить, засянетъ

Люби, люби всегда.

Я думы новыя въ твоёмъ читаю взорѣ,
И жалость свѣтитъ въ немъ, какъ дальняя звѣзда,
И понимаешь ты теплѣй чужое горе

Люби, люби всегда.
